

Архив
Забытых

Ольга Шевнина

Ольга Шевнина
Архив забытых

«Автор»

2026

Шевнина О.

Архив забытых / О. Шевнина — «Автор», 2026

В городе Кронгард память — не личные воспоминания, а государственная власть. Раз в десять лет Коллегия Хранителей проводит День Исправления: переписывает историю, стирает неудобное прошлое и решает за людей, что им положено помнить. Девятнадцатилетняя стажерка Нора находит в Архиве документ, связанный с ее прошлым, которого она не помнит. Одна находка тянет за собой другую, и вскоре Нора оказывается перед выбором: сохранить удобную жизнь или узнать, кем она была на самом деле. Роман о цене правды, праве на собственное прошлое и о том, что память — это не то, что помнишь, а то, кем решаешь быть.

© Шевнина О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Короб двести шестнадцать	5
Глава 2. Двенадцать	7
Глава 3. Так меня никто не называл	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Ольга Шевнина

Архив забытых

Глава 1. Короб двести шестнадцать

В моем личном деле было сказано, что я родилась в марте. Только вот в документе, который я обнаружила почти в четыре часа утра, была указан совершенно другой месяц, и это были еще не все странности.

Я работала в третьем хранилище уже пятый час, и мои пальцы болели от холода. Ночная смена в Архиве Кронгарда начиналась в одиннадцать и заканчивалась, только когда последний короб с прошлогодними оттисками занимал место на полке. Старший хранитель Реннек уходил ровно в десять и каждый раз оставлял мне список заданий: сегодня мне предстояло разобрать по году выдачи и сверить с реестром триста сорок два оттиска, поступивших из временного хранилища. Эту механическую работу доверяли именно стажерам — от них требовалась лишь внимательность и крепкая нервная система, позволявший не спать до утра.

Я не возражала. В тишине третьего хранилища, среди полок, уходящих во тьму дальше, чем пробивал свет переносной лампы, мне было спокойнее, чем где-либо еще. Здесь ко мне не лезли с вопросами, кто я и как здесь оказалась, спрашивали только номер короба с оттисками, чтобы передать мне его в работу.

Оттиск выглядит обманчиво просто. Темный, круглый, размером примерно 10 сантиметров, тяжелее, чем кажется на первый взгляд. Материал изготовления держится в строжайшей тайне. На свету диск отливает темно-синим, как вода в бездонном колодце. Оригинал с неповрежденной памятью всегда отзывается слабым теплом в ладони, будто кто-то прижался к вашей коже.

Когда оттиск подделан, плохо записан или, того хуже, подменен — он холодный, как металл на морозе. У меня от него сводит пальцы, а во рту появляется привкус, который я не могу точно описать: он похож на запах воздуха перед грозой, если бы его можно было попробовать.

Эдер, когда впервые увидел, как я не глядя на бирку отбраковываю короб с тремя испорченными оттисками, назвал это «редким даром». А вот я считала эту способность неудобством, потому что моя смена, в отличие от смен коллег, всегда заканчивалась на пятнадцать или двадцать минут позже. Я дотошно проверяла каждый объект, а это требует времени. Всегда находился еще короб-другой для утренней проверки у штатных архивариусов.

В ту ночь короб номер двести шестнадцать дал о себе знать еще до того, как я коснулась его крышки. Я помню это точно: остановилась на середине прохода, не дойдя буквально двух шагов до подозрительной находки, и какое-то время просто смотрела на полку. Оттуда повеяло холодом так, что я взглядом непроизвольно начала искать сквозняк — какую-нибудь форточку или щель, да что угодно, что могло бы объяснить ощущение ледяного дыхания.

Короб был подписан стандартно: год, квартал, диапазон регистрационных номеров. Не было ничего, что выделяло бы его среди соседних. Я сняла крышку, внутри — привычный ряд дисков в гнездах, пронумерованных по порядку выдачи. Потом меня кое-что насторожило: в середине третьего ряда в гнезде вместо диска лежала сложенная бумага.

Бумага в хранилище оттисков — это нонсенс. Бумажные документы находятся в депозитории личных дел, через два коридора и один лестничный пролет отсюда. Кто-то либо ошибся коробом — что в Архиве Кронгарда не случалось на моей памяти ни разу, — либо положил лист сюда намеренно. Я развернула его, держа лампу так, чтобы свет падал ровно.

Это была форма приема стажера — точно такая же, какую я сама подписывала два года назад в кабинете на третьем этаже, под взглядом секретаря, который явно скучал и хотел домой. Имя в графе было мое, фамилия — тоже моя. Год рождения совпадал. Вроде, ничего подозрительного, только вот месяц был другой — не март, а июнь, и подпись была совсем другая.

Я знаю свой почерк, не нынешний — аккуратный, отточенный в прописях за годы школьного обучения, — а тот, детский, с заваленной вправо петлей в букве «Я». Так я писала лет в шесть, когда буквы еще казались мне рисунками.

Я думала, что мои детские каракули остались только на открытке, которую воспитательница приюта сохранила и отдала мне накануне выпускного вечера. Но я ошибалась, подпись в моем «фирменном стиле» красовалась на форме приема стажера и, если верить дате в верхнем углу листа, была поставлена за два года до того, как я впервые переступила порог Архива. Я пристально вглядывалась в дату несколько минут, пытаюсь разобраться в чем дело.

Разумеется, существовали, простые объяснения, например, канцелярская ошибка — ну, написали другой месяц рождения. Возможно, где-то есть ребенок с похожим почерком, в конце концов, заваленные буквы — не редкость. Стоя в проходе между полками, я перебирала варианты один за другим, но все они разбивались о реальность: клочок бумаги, оказавшийся каким-то непостижимым образом в коробе, отзывался под ладонью таким же холодом, как оттиски с подмененной памятью. Кто-то хотел, чтобы я нашла этот листок или наоборот пытался надежно спрятать.

За спиной скрипнула половица — старое здание, ночь, обычный звук, который я слышала по три раза за смену последние два года и ни разу не оборачивалась. Но в этот раз почему-то обернулась. Никого, только ряды полок, уходящие в темноту, и моя лампа, отбрасывающая маленький круг света.

Я сложила лист по старым сгибам, вернула его в гнездо короба номер двести шестнадцать и закрыла крышку, потому что пока не придумала, как поступить.

Холод ушел не сразу, он держался в кончиках пальцев еще минут пять, пока я механически продолжала разбирать остальные короба из списка Реннека, безуспешно пытаюсь сосредоточиться на номерах и годах.

Утренняя смена должна была прийти в семь. У меня оставалось чуть больше четырех часов, чтобы решить, как действовать: доложить о холодном листе бумаги, как полагается по инструкции, или забрать его себе и попытаться во всем разобраться.

Глава 2. Двенадцать

Реннек появился, как обычно, без четверти семь, пахнувший уличным морозом и мятым чаем, который он покупал в ларьке у Восточных ворот. Его выражение лица никогда не менялось, оно сочетало вселенскую апатию и уверенность, что в этой жизни нет ничего интересного. Я сдала ему смену, назвала точное количество разобранных коробов, сказала, что два отложила для дневной проверки из-за нечеткой маркировки. Про короб двести шестнадцать я умолчала.

— Глаза красные, — сказал Реннек, не отрываясь от журнала. — Опять не спала перед испытанием.

— Ничего страшного, — ответила я.

Он хмыкнул и углубился в подсчеты, а я поспешно ушла, чтобы избежать неудобных вопросов.

Лист бумаги лежал у меня под рубашкой, между лопаток, придавленный ремнем сумки. Не самое подходящее место — потеешь, бумага мнется, — но туда точно не доберутся во время утреннего досмотра на выходе. Охранники заточены ловить тех, кто выносит оттиски, а не сложенную вчетверо бумагу. Я чувствовала листок всю дорогу до Зала Испытаний — не вес, конечно, бумага почти ничего не весит, — а его присутствие, как чувствуешь синяк через одежду, не глядя на него.

Зал Испытаний занимал восточное крыло того же здания, где я провела ночь, но добраться до него можно было только в обход через улицу. Человек, спроектировавший Архив сто с лишним лет назад, явно не хотел, чтобы у стажеров, которых еще только проверяют на благонадежность, был лишний повод оказаться рядом с хранилищем. На улице было зябко, здания Кронгарда едва проступали в серой дымке, — собственно, так было почти всегда.

Я встретила Тамси Брук в коридоре, она сидела на подоконнике с поджатыми под себя ногами и что-то записывала в блокнот. Ее губы смешно шевелились, как будто она ругалась или что-то считала.

— Если ты прикидываешь шансы, брось, — сказала я. — И так ясно, нас слишком много, а вакансий мало.

— Я считаю, сколько раз Геррик из второй смены назвал меня «деточкой» за последний месяц, и подумываю подать на него жалобу. — Она прыгнула с подоконника и окинула меня оценивающим взглядом. — Ты не спала.

— Спала.

— Не ври, Нора. Ты явно занималась чем-то интересным и, скорее всего, запрещенным.

Я замешкалась с ответом, и подруга, кажется, восприняла это как подтверждение. Она посмотрела на меня еще секунду, поняла, что давить бесполезно, и сменила тему.

Тамси начала рассказывать, как из двадцати трех стажеров их потока к концу года останется семеро, может, восемь, и если кто-то из штатных хранителей выйдет на покой раньше срока, то освободится еще одно место. Я слушала вполуха. Часть меня была все еще в третьем хранилище и держала холодный лист, пыталась понять, что означает подпись шестилетки под документом, который маленький ребенок подписать никак не мог.

Том Скай появился из ниоткуда за минуту до того, как двери зала открылись, и встал рядом со мной, хотя в коридоре было достаточно свободного пространства.

— Стоун, — он кивнул мне так, будто продолжал разговор, который мы, вообще-то, не начинали, — выпалась перед расстрелом?

— Все сегодня почему-то спрашивают меня про сон.

— Потому что у тебя синяки под глазами, — заметила Тамси с видом полного удовлетворения собственной правотой.

Том наклонил голову и принялся внимательно меня изучать.

— Знаешь, — сказал он, — у меня дурацкое чувство, что я уже видел это выражение лица: усталое и упрямое одновременно.

— Мы видимся каждый день, Скай, и ты видел меня в разных ипостасях.

— Не то. — Он нахмурился, будто пытался поймать ускользающую мысль за хвост, но тут двери зала открылись, и его театральная озадаченность сменилась легкой улыбкой. — Ладно, забудь.

Зал Испытаний оказался длинной комнатой без окон, разделенной на двенадцать одинаковых отсеков деревянными перегородками по плечо — достаточно, чтобы не подглядывать к соседу, но не настолько, чтобы не слышать, как он дышит. В каждом отсеке стоял стол, на нем — запечатанный короб с двенадцатью оттисками и листом для записи. Условие было известно заранее, нам повторяли его на каждом квартальном испытании с тех пор, как я поступила в Архив: в коробе спрятаны поддельные или поврежденные оттиски, а, может, вполне себе годные. Наша работа — провести анализ оттисков не вскрывая их и не читая содержимого, руководствуясь исключительно полученными знаниями: на ощупь, по весу, по реакции на свет. Час времени. Решение записывается один раз и не меняется. Младшие хранители с хронометрами следили за ходом испытания.

Я заняла свой отсек, третий от входа, и, не успев расположиться, заметила Эдера в конце зала. Он стоял на возвышении для наблюдателей заложив руки за спину.

Когда я подняла взгляд, оказалось, что он смотрит прямо на мой стол, словно давно собиравшись что-то разглядеть как следует и вот, наконец, подвернулся случай.

Я открыла короб. Первые три диска отозвались под пальцами знакомым ровным теплом, и я отложила их в сторону без долгих раздумий. Четвертый был прохладным — не ледяным, как короб двести шестнадцать, а именно прохладным. Я подержала его немного дольше, проверяя себя, прежде чем записать вердикт. Пятый снова теплый, на шестом что-то случилось со мной, к диску вопросов не было.

Это был обычный отпечаток, без видимых отличий от соседей, теплый, как и положено настоящему. Но когда я сомкнула вокруг него пальцы, в памяти вдруг всплыл холод листа под лопаткой, а во рту появился неприятный привкус. В течение нескольких секунд я не могла понять, идет ли холод от диска в руке или это ночные воспоминания решили сыграть со мной злую шутку. Я положила отпечаток, отдернула руку, чуть-чуть выждала и снова прикоснулась — теплый, настоящий. Просто мое тело запуталось в ощущениях, неудивительно — я не спала уже больше суток, а несколько часов назад столкнулась с тем, что в принципе не должно существовать.

Остаток часа я работала медленнее обычного, дважды перепроверяя то, в чем была уверена с первого касания. Когда хронометр младшего хранителя прозвенел, у меня осталось два неотмеченных диска. Я завалила испытание — знаний и опыта у меня хватало, просто что-то произошло, чего я никак не могла объяснить.

Нас выпустили из отсеков без объявления результатов, их всегда вывешивали к вечеру, такая уж была традиция. Видимо, преподаватели получали удовольствие от того, как мы мучаемся в ожидании вердикта. Тамси подошла и поинтересовалась, сколько дисков я отметила «холодными». Я что-то мямлила, наблюдая краем глаза за возвышением, на котором стоял Эдер.

Он смотрел прямо на меня через весь зал, сквозь расходящихся стажеров. Когда наши взгляды встретились, он и не подумал смутиться, а вот я покраснела до корней волос.

Глава 3. Так меня никто не называл

Результаты квартального экзамена вывесили в коридоре между Залом Испытаний и общей столовой. Список разбили на три колонки: «утвержден к дальнейшей стажировке», «условно» и «отчислен» — двадцать три имени на одном листе. Свое я обнаружила во второй колонке и выдохнула — при таком провале могла оказаться и в третьей. Том возник у меня за спиной.

— Условно — это не отчислен, — сказал он, проследив за моим взглядом. — Я тоже условно, так что жить будем.

— Я сейчас не об этом думаю.

— А о чем же?

Если бы я сказала, что у меня действительно было на уме, это звучало бы примерно так: «условно» означает индивидуальную проверку у штатного хранителя в течение недели. Я не была уверена, что он захочет разбираться, почему я медлила и зачем отложила три диска. У него своих дел хватает. Поставить штамп «отчислен» в моем личном деле куда проще.

Мне назначили хранителя на следующий день, об этом я узнала из записки, которую мне вручил посыльный из ректората — маленький коротышка с залысинами на висках. Мне надлежало явиться в три часа в кабинет хранителя Эдера. Но перед этим меня ждала монотонная смена — скуку и раздражение от работы усиливал Том, которого ко мне приставили.

Нам поручили задачу на двоих — он утверждал, что это случайное распределение, а мне казалось, что он врет. Требовалось выполнить запрос семьи Орлиных. Их дед прожил в Кронгарде восемьдесят один год и умер месяц назад. Теперь, по обычаю, родные просили выдать им его личные оттиски для прощального чтения. Закон разрешал такое раз в поколение: одна ночь доступа к памяти умершего в присутствии хранителя без права копирования. После оттиски возвращались в общий архив навсегда. Так город хранил и память и приличия одновременно — никто не унесет с собой чужие тайны и никому не откажут в возможности красиво проститься с усопшим. — Станный обычай, если подумать, — сказала я, перебирая короб с маркировкой «Орлин, Т.», пока Том сверял номера со списком. — Прощаться с человеком через диски, которые сам толком прочитать не можешь, да еще и под чужим присмотром.

— А ты бы предпочла, чтобы люди уносили тайком чужие воспоминания?

— Я бы хотела понять, зачем вообще нужен Договор, который решает за нас, сколько прошлого положено помнить.

Том настороженно посмотрел на меня, будто я сказала что-то крамольное, а этого он никак не ожидал.

— После Раскола осталось слишком много противоречивых воспоминаний, и мы перестали доверять друг другу, — сказал он с интонацией, с какой обычно произносят истины, заученные в детстве и не подлежащие сомнению. — Люди убивали друг друга из-за того, что помнили одни и те же события по-разному. Договор не лишает нас прошлого, а просто не дает прошлому убить нас.

— А кто решил, что лучше отнять воспоминания, чем сохранить их?

— Коллегия, кто же еще. — Он пожал плечами, будто ответ был очевиден. — У них было восемьдесят лет, чтобы передумать, но если они этого не сделали, видимо, на то есть причины.

Я промолчала. Готового возражения у меня не нашлось — только холодный лист под рубашкой, который я третий день таскала на себе, так и не найдя ему места понадежнее. Решение Коллегии, о котором Том говорил так спокойно, забрало у меня не всю память, как у других жителей, а фрагментарно, например, я не помнила своего настоящего имени.

Последний диск в коробе Орлина я взяла почти машинально и почувствовала точно такой же холод, который излучал короб двести шестнадцать.

— Этот фальшивый, — сказала я раньше, чем успела подумать.

Том забрал у меня диск, повертел его в пальцах и нахмурился. Мне показалось, что он сверялся с собственными ощущениями и вдруг обнаружил, что они совпадают с моими.

— Знаешь, — сказал он медленно, — я тоже что-то почувствовал, но не так отчетливо, как ты.

Это было странно: гиперчувствительность считалась редкостью, проявлялась у одного стажера из десяти, да и то слабо. Я открыла рот, чтобы спросить, давно ли он замечал за собой такое, — и тут он шепотом добавил:

— Мне кажется, я уже держал этот диск раньше. — Он покачал головой, отгоняя мысль. — Какая глупость, прости, Нора. Я сегодня сам не свой.

Он впервые назвал меня по имени, а не по фамилии, как обычно все делают в Архиве. И ни один из нас не обратил на это внимания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.